

Египет и арабские государства в ходе Обзорной конференции предложили созвать конференцию по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения, а в итоговой документ включить пункт, устанавливающий сроки проведения такой конференции. Это стало причиной отказа США, Канады и Великобритании подписывать итоговый документ.

На Обзорной конференции ДНЯО Россия и Китай заявили, что ратифицировали протокол к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. Барак Обама заявил, что представил протокол в Сенат для ратификации. Ранее протокол ратифицировали парламенты Великобритании и Франции.

15 марта МАГАТЭ одобрило создание на территории Казахстана банка ядерного топлива, которым смогут воспользоваться страны, не имеющие доступа к международному рынку урана.

Галия Ибрагимова

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ВЫ СЛЫШИТЕ, ГРОХОЧУТ САПОГИ...

К лету 2015 г. вторая холодная война стала ключевым элементом международных отношений, если не в глобальном масштабе, то по крайней мере в северном полушарии. Это закономерный результат того, что конфронтация России и евроатлантического сообщества наций, изначально возникшая в результате событий в Украине и вокруг нее, может перерасти в ядерное столкновение. Перспектива такой эскалации, впервые после 1991 г. ставшая реальной, отодвигает на второй план комплекс ближневосточных конфликтов, противодействие исламскому терроризму, неконтролируемую миграцию в Европу из Африки и другие проблемы, еще недавно игравшие ключевую роль в мировой политике.

И для этого немало оснований. В частности к моменту написания этого обзора можно было ожидать подписания соглашения по урегулированию иранского ядерного кризиса, что приведет к существенному снижению напряженности в зоне Персидского залива и скорее всего заметно усилит конструктивное начало в иранской внешней политике. Из источника напряженности в регионе Иран может превратиться в фактор стабильности, например, играть более заметную, чем ранее, роль в борьбе с Исламским государством.

Но главное все же в другом. Никакие, даже самые масштабные террористические акты *Аль-Каиды*, ужасающие злодеяния Исламского государства, эпидемии Эболы или MERS, финансовые неурядицы в зоне евро, греческая экономическая агония и гражданская война в Сирии не могут сравниться по числу жертв и стратегическим последствиям с ограниченной ядерной войной в густонаселенной Европе, не говоря уже об обмене ракетно-ядерными ударами между Россией и США. И поэтому написание сценариев *мира после ядерной войны*, бывшее до последнего времени любимым занятием авторов триллеров в жанре постапокалипсиса, постепенно становится важной задачей аналитиков оборонных и разведывательных ведомств и консультантов высшего политического руководства ведущих мировых держав.

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА ТОГДА И ТЕПЕРЬ

Первая холодная война была глобальным столкновением двух несовместимых социальных систем и политических идеологий. СССР и его союзники по Организации Варшавского договора (ОВД) ставили своей целью максимально широкое распространение советской модели общественного устройства, имевшей мало общего с социализмом XX в., видя в этом не только свою историческую миссию, но и важное условие выживания в противостоянии с Западом. США, страны — члены НАТО и, в целом, группа демократических государств добивались, как минимум, сдерживания советской экспансии и, как максимум, устранения порождающих ее факторов. Ядерный паритет блокировал военный конфликт НАТО и ОВД в Европе и крупное столкновение советских и американских вооруженных сил в периферийных зонах третьего мира. В итоге силовое противоборство двух блоков было вытеснено в Азию, Африку и Латинскую Америку, где оно обычно принимало форму так называемых *proxy wars*¹. В более широком контексте государства противостоящих систем пытались направлять в свою пользу процессы социальных и политических изменений в развивающихся странах с тем, чтобы расширять и укреплять там зоны своего контроля.

В 1950-х гг. сложились определенные правила поведения в первой холодной войне. В частности *де-факто* признавалось право применения силы для сохранения политического статус-кво в своей зоне влияния в Европе, а также поддержка, в том числе поставками оружия и направлением военных советников, своих клиентов в третьем мире. Однако крупномасштабное использование советских или американских войск для изменения соотношения сил в регионах за пределами Европы вызывало жесткую реакцию противостоящей стороны. Так, государства — члены НАТО более чем спокойно восприняли подавление Советским Союзом демократического восстания в Венгрии в 1956 г. и оккупацию Чехословакии в 1968 г., ограничившись словесным осуждением действий Москвы, но крайне негативно отреагировали на советское вторжение в Афганистан.

Нынешняя холодная война имеет не глобальный, а региональный характер. Непосредственное вооруженное противоборство пока ограничено Украиной, но в случае эскалации конфликта и вовлечения в него государств НАТО, что никоим образом не исключено, район боевых действий распространится на Южную Балтию, западное Причерноморье, западные области России, Центрально-Восточную Европу, возможно, на Беларусь и акваторию северных морей, прилегающую к Кольскому полуострову. Если же в вооруженном противоборстве будет применено ядерное оружие, в зоне поражения может оказаться не только весь европейский континент, включая, разумеется, европейскую часть России, но и Северная Америка.

Причины второй холодной войны часто связывают с аннексией Россией Крыма, превращением его в российский *непотопляемый авианосец* и гибридной войной в Восточной Украине. Действительно, эти акции разрушили сложившийся после окончания первой холодной войны международный порядок в восточной части Европы, создали угрозу распространения нестабильности на страны Вышеградской группы, прибалтийские государства и Молдову. Но много важнее тот факт, что политика России в отношении Украины представляет частный случай реализации стратегической доктрины, ставящей гораздо более амбициозные цели, чем удержание Украины в поле российского доминирования. Об этом, например, вполне

откровенно свидетельствуют прокремлевские эксперты, объясняя украинский кризис переходом России в *геополитическое наступление*. Так, директор Московского центра Карнеги Дмитрий Тренин писал: «Если суммировать и говорить только об основном, Россия прекратила геополитическое отступление, перешла от пассивности к активным действиям не только конкретно в украинском вопросе, но и в своей международной политике. ...Ясно одно — длительная эпоха российской сравнительной пассивности в отношении своих задач и интересов закончилась. Россия выступает на международную арену как активный игрок, который не боится конфликтов с ведущей страной мира²».

Как это ни печально, Тренин прав. Во второй половине 2013 г. — начале 2014 г. Москва перешла к агрессивному преследованию своих интересов на международной арене, далеко выходящих за рамки украинского кризиса. Правда, конкретное содержание этих интересов формулируется по-разному. Одни говорят о вынужденной и защитной реакции на якобы имманентно присущее США стремление минимизировать влияние России на мировой арене и даже уничтожить ее как независимый субъект международной политики. Другие видят стратегическую цель Кремля в консолидации вокруг Москвы так называемого русского мира, т. е. присоединении к России прилегающих к ее границам областей со значительной долей русского населения. Третьи связывают поворот во внешней политике России с нежеланием Запада считаться с ее интересами, не объясняя, правда, почему, собственно, Запад должен это делать, особенно, если его интересы не совпадают с представлениями Кремля об идеальном устройстве международных отношений.

На деле, скорее всего, Москва добивается возвращения к новому варианту ялтинско-потсдамской системы: к очередному разделу Европы на сферы влияния и участия России на равных с США и, возможно, Китаем условиях в решении ключевых проблем современности. Станислав Белковский, весьма информированный российский аналитик, справедливо заметил: «Украина важна Путину не сама по себе, а как инструмент, рычаг и плацдарм принуждения Запада к любви. Украина — это способ послать священное послание Обаме и Меркель с целью организовать Ялту-2. То есть вернуться из современного мира, который сформирован условно-досрочно 9 ноября 1989 г. на руинах Берлинской стены, мира, где нет фиксированных зон влияния, где все решают не войска, не грубая сила, а идеи и технологии, в ялтинско-потсдамский мир, где есть фиксированные зоны влияния, а ключевой вопрос, сформулированный Сталиным, одним из главных архитекторов ялтинско-потсдамского мира, — сколько дивизий у папы римского... То есть Путин идет против истории. США и ЕС не хотят ему это позволить, потому это разговор слепого с глухим. А Украина — это инструмент слепого, или глухого, как угодно, заставить противоположные стороны договориться. Инструмент, который пока не работает, но который несет все время издержки от этого нереализованного геозеротического желания³».

Сколь бы циничным это не выглядело бы, но вовсе не исключено, что США и европейские государства в конечном итоге приняли бы аннексию Крыма, если бы им удалось договориться о размещении там ядерного оружия, и утверждение российского контроля над Донбассом. Статус последнего, вообще, не затрагивает интересы Европы, не говоря уже о Соединенных Штатах. Но для Запада неприемлемы:

- Остающаяся реальной перспектива крупномасштабного российского вторжения в Украину, неизбежно превращающего страну, находящуюся рядом с Европейским союзом, в которой, помимо всего прочего, имеются четыре крупные АЭС, в своего рода *черную дыру*, зону боевых действий, экономической катастрофы и запредельной социально-политической нестабильности.
- Угрозы Кремля применить ядерное оружие в случае эскалации конфликта и становящаяся все более очевидной ставка российского руководства на использование ядерного оружия в случае вооруженного противостояния со странами НАТО.
- Изменение международного порядка в Европе, на котором настаивает Москва, и претензии Кремля на участие в решении ключевых стратегических и экономических проблем наравне с США, ЕС и Китаем. Западные элиты просто не могут понять, почему, собственно, такое право должно быть предоставлено экономически слабой стране, фактически превратившейся в нефтегазовый придаток Европейского союза.

Особую тревогу на Западе вызывает иррациональный характер внешней политики России, в том числе неспособность Кремля предвидеть результаты своих действий на международной арене. Аннексия Крыма вызвала в российском обществе всплеск шовинистических настроений и фантастический рост рейтинга президента Путина, чем, собственно, и ограничились позитивные для российской власти результаты украинского кризиса. При этом, однако, никто не знает, насколько прочным является такое состояние общественного сознания. В остальном же российское вмешательство в украинские дела обернулось для России стратегическими, политическими и экономическими убытками. Украина из дружественной страны превратилась в государство, глубоко враждебное России. Вооруженные силы НАТО появились в Балтийском регионе на российских границах, что всегда рассматривалось в Москве как серьезная угроза безопасности страны. Российское руководство оказалось в международной изоляции. Экономические санкции болезненно сказываются на экономике, и без того ослабленной снижением цен на нефть, а также заметно осложняют реализацию амбициозной программы перевооружения армии и флота. Милитаризация Крыма, бесспорно, отвечает интересам военного командования, но одновременно она подталкивает НАТО к укреплению своего военного потенциала в Северо-Западном Причерноморье. Иными словами, действия Москвы в Украине привели к целой серии крупных внешнеполитических поражений России, притом что ни одна из целей, которые ставил перед собой Кремль достигнута не была.

Неудивительно, что в США и Европе складывается устойчивое представление, что Россия представляет собой страну, имеющую второй по величине в мире арсенал ядерного оружия, политика которой, включая решения о применении военной силы, формируется не на основе тщательного анализа последствий того или иного шага на международной арене, но в результате плохо продуманных, возможно, спонтанных решений, под влиянием эмоционально окрашенных мотивов крайне узкого круга лиц, принадлежащих к высшему руководству. Это создает не приемлемый для США и европейских государств уровень военной угрозы, нейтрализация которой становится первостепенной задачей Запада.

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА И СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТУПИК В УКРАИНЕ

Хотя вторая холодная война давно уже переросла рамки украинского кризиса, последний до сих пор является ее центральным элементом, и во многом он определяет развитие событий в намного более широком стратегическом контексте.

Действия России в Украине часто считают наиболее ярким и полным примером стратегии и тактики так называемой гибридной войны. Не углубляясь в дискуссию о том, насколько новым стратегическим феноменом является такая война и можно ли, например, трактовать вьетнамскую войну 1960–1975 гг. как гибридную агрессию СРВ против Южного Вьетнама, заметим лишь, что отдельные элементы гибридных войн реализовывались в ходе многочисленных войн за национальное освобождение, разного рода *proxy wars* и революционных авантюр в третьем мире во второй половине XX в. Можно также добавить, что теория гибридной войны впервые в относительно полном виде была сформулирована выдающимся русским военным мыслителем Евгением Месснером в монографии *Всемирная мятежвойна*, ставшей в 2000-е гг. настольной книгой офицеров российского Генерального штаба⁴. В частности, Месснер писал: «Воевание без войск — воевание партизанами, диверсантами, террористами, вредителями, саботерами, пропагандистами примет в будущем огромные размеры, чему порукой факты из недавнего прошлого. Иррегулярство, не поддержанное войском (инструкторы, оружие, медикаменты, одежда, деньги), беспомощно. Оно становится мощным, получив и материальную поддержку войска, и моральную: успехи войск усиливают активность иррегулярных сил и увеличивают их численность⁵».

Невольно возникает впечатление, что сепаратистский мятеж на Донбассе во многом развивался по схемам, разработанным Евгением Мейснером в начале 1960-х гг. Это впечатление усиливается в результате знакомства с изысканиями руководителей российского Генерального штаба, появившимися на свет в первой половине нынешнего десятилетия.

Российское политическое руководство и военное командование, аналитики оборонного ведомства, разведывательных и академических учреждений в начале 2010-х гг. пришли к выводу, что крах окаменевших режимов в арабских странах, а также так называемые *цветные революции* в Грузии в 2003 г. и в Украине в 2004–2005 гг. порождались не народным недовольством правящими кликами и обострившимися противоречиями в элитах, как это было на самом деле, но являлись результатом иностранного вмешательства, включая разного рода подрывные операции, психологическую войну и военное давление извне. На этой основе разрабатывались меры, призванные нейтрализовать такого рода гипотетическое вмешательство в российские политические процессы, а также стратегия и тактика российских гибридных войн в государствах ближнего зарубежья.

Впервые российское представление о гибридных войнах было публично сформулировано, правда, в довольно общей форме начальником Генерального штаба ВС РФ генерал-полковником Валерием Герасимовым в начале 2013 г. Выступая на собрании Академии военных наук он сказал: «...Сами *правила войны* существенно изменились. Возросла роль невоенных способов в достижении политических и стратегических целей, которые в ряде случаев по своей эффективности значительно превзошли силу оружия. Акцент используемых методов противоборства смещается в сторону широкого применения политических, экономических,

информационных, гуманитарных и других невоенных мер, реализуемых с задействованием протестного потенциала населения. Все это дополняется военными мерами скрытого характера, в том числе реализацией мероприятий информационного противоборства и действиями сил специальных операций. К открытому применению силы зачастую под видом миротворческой деятельности и кризисного урегулирования переходят только на каком-то этапе, в основном для достижения окончательного успеха в конфликте⁶».

Годом позже, весной 2014 г., начальник Главного оперативного управления Генерального штаба ВС РФ генерал-полковник Владимир Зарудницкий представил более развернутый и детальный сценарий гибридной войны.

«...Разложить государство изнутри легче, чем покорить его оружием, — сообщил он участникам III Московской конференции по международной безопасности. — Механизм агрессии заключается в том, что государство-агрессор (или коалиция стран) раскалывает страну-жертву изнутри. Для этого всячески инспирируются, разжигаются имеющиеся внутренние противоречия. ...Затем эти противоречия трансформируются в открытое противостояние оппозиционных сил и правительства. Если правящий режим пытается сохранить власть, следующим этапом становится гражданская война. ...С развертыванием оппозицией военных действий против правительственных войск, иностранные государства осуществляют военную и экономическую помощь мятежникам. В дальнейшем коалицией стран, принимающих участие в свержении законного правительства, может проводиться военная операция с целью разгрома правительственных войск и оказания содействия силам вооруженной оппозиции в захвате власти⁷».

Разумеется, в публичных выступлениях руководители российских вооруженных сил утверждали, что обрисованные ими сценарии гибридных войн относятся только и исключительно к политике и стратегии западных государств. Однако бросается в глаза, что действия России в Восточной Украине в полной мере соответствуют схемам, представленным Герасимовым и Зарудницким.

Объем и задачи данного обзора не позволяют, к сожалению, сколько-нибудь подробно проанализировать ход гибридной войны в Восточной Украине. Однако принципиально важен ставший очевидным в мае-июне 2014 г. провал так называемого *проекта Новороссия*, предполагающего захват власти в восьми юго-восточных областях Украины пророссийскими сепаратистскими кругами, отделение этих областей от Украины *де-юре* или *де-факто* и создание на их территории некоего квазигосударственного образования под российским протекторатом⁸. Реализация этого проекта имела для Кремля очевидный смысл: Россия приобретала ключевые, подчас уникальные промышленные предприятия, имеющие особое значение для военно-промышленного комплекса; под ее контроль переходили важнейшие черноморские порты и стратегические транспортные коммуникации; открывался бы сухопутный коридор в аннексированный Крым; российские войска вышли бы на границы Молдовы, что принципиально изменило бы военно-стратегическую обстановку в западном Причерноморье и в более широком геополитическом регионе, охватывающем, в частности, северные районы Балкан. Однако украинские власти смогли подавить, хотя пока далеко не полностью, сепаратистские группировки и проявления в Харькове, Днепропетровске, Одессе и Николаеве, несколько стабилизировать там политическую обстановку и удержать эти обла-

сти под своим контролем. В итоге, вместо обширной Новороссии под контролем Москвы оказались в общем-то никому, и прежде всего самой России, не нужные несколько районов Донецкой и Луганской областей.

Далее, весной 2015 г. на востоке Украины сложился военно-политический тупик. Действуя по лекалам гибридной войны, Москва вооружает и обучает в этих районах группировки сепаратистов, сколачивая из них более или менее эффективную регулярную армию. Однако опыт войны на Донбассе показывает, что местные маргиналы и прибывшие из России наемники воюют скверно и не могут противостоять украинским войскам. Поражения украинской армии под Иловайском в августе прошлого и под Дебальцево в феврале этого года были результатом участия в боях регулярных сил российской армии. В решающие моменты эти силы, по надежным украинским и западным данным, насчитывали до 10 так называемых батальонных тактических групп общей численностью около 10 тыс. человек.

Наличие в сепаратистских образованиях и вблизи них российских регулярных частей приводит к тому, что сегодня и в ближайшей перспективе украинская армия и Национальная гвардия не в состоянии освободить захваченные сепаратистами и российскими войсками районы Донецкой и Луганской областей. Но без крупномасштабного участия в боевых действиях российских регулярных сил сепаратисты не могут сколько-нибудь заметно изменить в свою пользу сложившуюся в регионе военно-политическую ситуацию. Кремль, в свою очередь, постоянно угрожает вооруженным вторжением, регулярно концентрируя вблизи украинской границы крупные силы, перебрасывая в контролируемые сепаратистами районы тяжелое вооружение и боеприпасы и направляя туда военных советников и инструкторов. Это ставит вопрос: какими, собственно, силами располагает Россия для действий против Украины и какие стратегические цели эти силы могут достичь?

Российские и зарубежные эксперты в общем согласны с тем, что в периоды максимального обострения обстановки в Донбассе Москва развертывала на границах с Украиной до 80 тыс. солдат и офицеров, из них около 40 тыс. человек в боевых частях⁹. Видимо, это максимум того, что Москва может выделить для операций против Украины. Известный российский военный эксперт Александр Гольц подчеркивал: «Наиболее вероятной причиной, почему Крымский сценарий не был повторен в Восточной Украине, является ограниченный уровень российских возможностей. У Кремля просто нет войск, необходимых для того, чтобы оккупировать Донецкий и Луганский регионы. Важно подчеркнуть, что все элитные части российской армии уже были использованы (для военного давления на Украину. — Ю. Ф.)¹⁰».

Даже если эта оценка не совсем точна и российские войска могут оккупировать Донецкую и Луганскую области, это потребует всех или почти всех развернутых против Украины сил и масштабного применения боевой авиации. Поскольку ее у сепаратистов нет, это сразу же подтвердит, что российские войска принимают участия в войне в Донбассе. Неизбежны также крупные, исчисляемые тысячами, потери личного состава и массовая гибель мирного населения, особенно при штурме таких городов, как Славянск и, особенно, Мариуполь.

Еще сомнительней выглядит попытка проложить так называемый *коридор* в Крым, иными словами, оккупировать южные части Запорожской и Херсонской областей. Аналитики американского исследовательского и разведывательного центра *Стратфор* подсчитали, для того чтобы захватить эти территории, потребуется

36 тыс. солдат и офицеров, но, для того чтобы отразить контратаки украинских войск и подавить сопротивление населения, их потребуется уже 52 тыс. человек, т. е. чуть больше, чем разворачивалось вдоль всей российско-украинской границы в пиковые моменты противостояния¹¹.

С этими расчетами можно соглашаться или не соглашаться, но они высвечивают два ключевых обстоятельства. Первое — удержание оккупированных территорий и контроль над их населением требует на 30–40% больше войск, чем для их захвата, второе — крупное военное вторжение в Украину практически наверняка приведет к сковыванию там большей части боеспособных соединений российских сухопутных войск и ослаблению позиций на других направлениях. И наконец российская верхушка не может не учитывать крайне негативную реакцию Запада на эскалацию военных действий против Украины. Неизбежны ужесточение санкций, которые и без того скверно сказываются на экономике страны, дальнейшая изоляция на международной арене, поставки современного эффективного вооружения Украине.

Поэтому нет ничего удивительного, что Кремль сегодня делает ставку на то, что в результате экономических трудностей, нерешенных и обостряющихся социальных проблем, войны на востоке, а также медленного и нерешительного продвижения реформ украинское общество разочаруется в нынешнем руководстве и к власти в Украине придут пророссийские круги.

Действительно, экономическая и политическая ситуация в Украине более чем сложна. Растет разочарование нынешним руководством страны. Однако оно вызвано медленными темпами реформ, явно недостаточной борьбой с коррупцией, неспособностью правительства и президента восстановить мир и правопорядок в Донбассе. Некоторое падение рейтинга президента П. Порошенко и правительства не сопровождается ростом популярности пророссийских сил. Опрос, проведенный Киевским международным институтом социологии в мае 2015 г., показал, что Оппозиционный блок, возникший из остатков Партии регионов, может получить не более 10% голосов, тогда как партии демократической и европейской ориентации в совокупности набирают более 80% поддержки тех, кто готов прийти на выборы. Заметно, примерно в три раза, сократилась доля сторонников экономической интеграции с Россией, Белоруссией и Казахстаном. Если с сентября 2013 г. доля сторонников вступления в ЕС выросла с 41 до 47% — рост, скажем прямо, не слишком впечатляющий, — то поддержка вступления в Таможенный союз снизилась с 35 до 12%¹². В 2,5 раза, т. е. с 18% в 2011 г. до 43% в 2015 г. выросла доля респондентов, выступающих за вступление Украины в НАТО¹³. Иными словами, в украинском общественном сознании произошли принципиальные изменения. И даже если в Украине произойдет смена руководства, к власти, скорее всего, придут не пророссийские круги, но политические силы, возможно, более решительно, чем нынешнее руководство, выступающие за глубокие реформы политической и экономической систем и интеграцию с Европой.

Таким образом, российская политика в отношении Украины зашла в тупик. Наиболее логичным выходом из него было бы выполнение Москвой *Минских соглашений*, прежде всего вывод из контролируемых сепаратистами районов Донбасса российских войск и наемников, прекращение поставок туда вооружений и боеприпасов, передача контроля над границей украинским войскам. Это открыло бы путь к нормализации отношений с Западом и смягчению экономи-

ческого кризиса в самой России. Однако пока нет признаков того, что Кремль готов такому повороту внешней политики. Это свидетельствует о том, что политика по-прежнему определяется не рациональным сравнением рисков и выгод, но эмоциональными мотивами и далекими от реальности представлениями об окружающем мире.

ВТОРАЯ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА: ПЕРСПЕКТИВЫ

Перспективы второй холодной войны в конечном итоге определяются соотношением экономических, военных и политических сил России и стран Запада, прежде всего входящих в НАТО. Вопрос можно сформулировать следующим образом: не повторит ли Россия судьбу СССР, проигравшего первую холодную войну и распавшегося во многом в результате нарастающего экономического бремени гонки вооружений? Этот вопрос тем более актуален, что нынешняя Россия существенно слабее СССР не только экономически, но и в военном и политическом отношениях.

По оценкам ЦРУ США, в конце 1980-х гг. советский ВВП составлял 2,65 трлн долларов США (в текущих ценах) или примерно половину ВВП Соединенных Штатов¹⁴ и около одной четвертой совокупного ВВП стран — членов НАТО¹⁵. При этом, по оценкам СИПРИ, в 1988–1989 гг. военные расходы СССР достигали соответственно 246 и 218 млрд долларов США (в текущих ценах), тогда как военные расходы США в эти годы составили 293 и 304 млрд долларов¹⁶. Совокупные военные расходы стран — членов НАТО в 1988 г. достигли 454 млрд долларов¹⁷.

Разумеется, можно найти и иные оценки советских ВВП и военных расходов. В частности нередко утверждают, что в последние годы существования СССР его военные расходы достигали 15–20 и даже 25% ВВП. Возможно, эти утверждения справедливы, но, может быть, они складывались под влиянием тех или иных политических установок. Сложность также в том, что советские, а впоследствии российские аналитики и политические деятели, как правило, не приводят каких-либо методик пересчета советских рублей в американские доллары, не всегда указывается, имеется в виду пересчет по рыночному курсу или на основе паритета покупательной способности (ППС) и т. д. В свете этого оценки ЦРУ и СИПРИ представляются, если и не слишком точными, но все же близкими к реальности или по крайней мере правдоподобными.

Если исходить из них, то положение дел накануне краха СССР выглядит следующим образом. Советский Союз был способен поддерживать стратегический паритет с США и НАТО, расходуя на военные цели около 10% ВВП, что в разные годы составляло от 70 до 80% военных расходов США и примерно половину или чуть меньше совокупных военных расходов НАТО. И хотя значительная часть советского военного потенциала была предназначена для противоборства с Китаем, отвлечение сил на восток в известной мере компенсировалось военным потенциалом союзников СССР по ОВД. При этом отвлечение 10 или более процентов ВВП на военные нужды стало одним из ключевых факторов экономического, а затем и политического краха Советского Союза.

Нынешнее соотношение экономических сил на мировой арене намного хуже для России, чем это было в конце 1980-х гг. для СССР. В первой половине 2000-х гг.

ВВП России составлял от 12 до 14% от ВВП США и около 6% совокупного ВВП США и Европейского союза. Иными словами, Россия в сопоставлении с США и Европой экономически в 3–4 раза слабее, чем был СССР в конце своего существования.

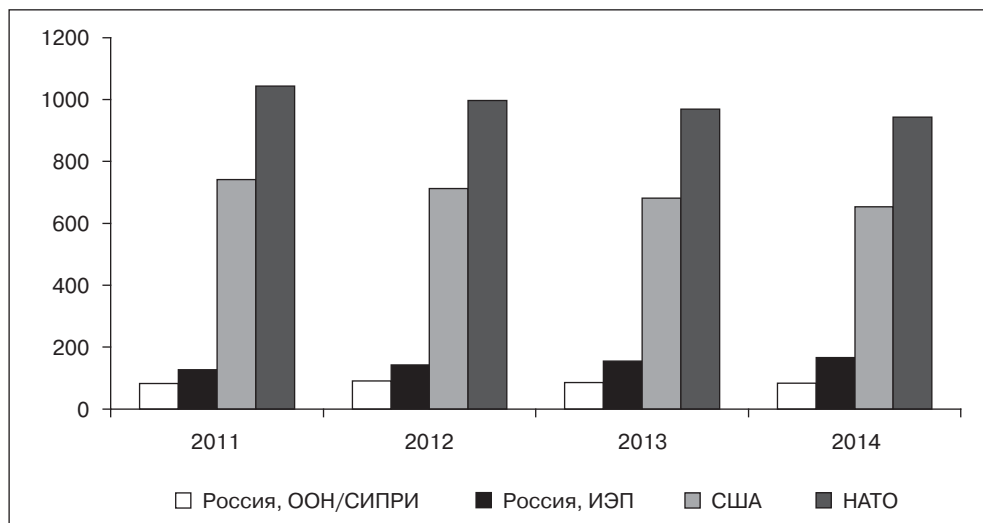
Таблица 1. ВВП России, США, ЕС и Японии, 2011–2014 гг. (по данным МВФ, трлн долл США, текущие цены)¹⁸

	2011	2012	2013	2014
Россия	1,9	2,0	2,1	1,9
США	15,5	16,2	16,8	17,4
ЕС	18,3	17,2	17,9	18,5
Мир	72,2	73,4	75,8	77,3

Значительно изменилось по сравнению с концом 1980-х гг., причем не в пользу России, соотношение ее военных расходов с военными расходами США и НАТО.

Действительно, если в 1988–1989 гг. военные расходы СССР достигали примерно половины военных расходов НАТО, что было достаточно для поддержания стратегического паритета, то в 2011–2014 гг. в зависимости от методики подсчета и пересчета в доллары США они составляли от 8–9 до 12–17% соответствующих рас-

Диаграмма. Военные расходы России^{*)}, США и НАТО, 2011–2014 (млрд долл. США)¹⁹

*) Белым обозначены военные расходы России, рассчитанные по методологии ООН и СИПРИ, черным — суммарные военные ассигнования, связанные с текущей и прошлой военной деятельностью, исчисленные по методологии Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара и пересчитанные в доллары США с учетом ППС.

ходов НАТО. При этом военное обременение российской экономики (4,79% ВВП) заметно выше, чем американской (3,6% ВВП) и, особенно, европейских стран — членов НАТО, у которых этот показатель не достигает 2% ВВП²⁰. Таким образом, если военный паритет НАТО и СССР поддерживался при соотношении военных расходов 2:1 в пользу НАТО, для того чтобы выйти на этот уровень, затраты на оборонные нужды в России должны достигнуть 400–500 млрд долларов, т.е. увеличиться в 3–4 раза и составить 15–16% ВВП. Избежать экономической катастрофы при таком развитии событий невозможно.

Соотношение экономических потенциалов и военных расходов — важный, но далеко не единственный фактор, определяющий перспективы и конечный итог нынешней холодной войны. Качество экономики, в том числе способность создавать современные высокотехнологичные вооружения, критическим образом зависит от состояния научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, что в самом грубом приближении определяются объемом средств, выделяемых на данные цели.

Таблица 2. Расходы США, ЕС, Китая, Японии и России на НИОКР, 2011 г. (млрд долл. США в пересчете по ППС и% ВВП)²¹

	Млрд долл. США	Доля ВВП,%
США	429	2,85
ЕС	320	1,94
Китай	208	1,84
Япония	146	3,39
Россия	35	1,09

По этому показателю Россия безнадежно отстала от США, ЕС, Китая и Японии. Суммарные расходы технологически развитых держав (США, ЕС и Японии) на НИОКР почти в 30 раз (!) превышают соответствующие ассигнования в России, что, в свою очередь, предопределяет принципиальное отставание российского оборонно-промышленного комплекса и, следовательно, низкий, по сравнению с американским, европейским и японским технологический уровень вооружений и военной техники.

Наконец необходимо учитывать импортную зависимость российской промышленности в целом и ее оборонного сектора в частности. Так, по данным российского Министерства промышленности и торговли, доля импорта в продажах на российском рынке продукции станкостроения в 2014 г. превышала 90%, продукции электронной промышленности — 80–90%, продукции тяжелого машиностроения — 60–80% и т.д.²². В открытой литературе нет сколько-нибудь полных сведений об импортной зависимости российской оборонной промышленности. Однако учитывая, что производство вооружений является важной частью машиностроения, можно приблизительно оценить насколько оборонный комплекс промышленности зависит от поставок оборудования, сырья, комплектующих и прочего из-за рубежа, прежде всего из промышленно развитых стран Запада. Соответствующие расчеты, проведенные в Институте Т.Е. Гайдара, показывают, что такая производственная зависимость машиностроительной отрасли от импорта составляет от 25 до 40%²³.

Таблица 3. Производственная зависимость машиностроительного комплекса от импорта, 2006–2013 гг., в%²⁴

	2006	2012	2013
Машиностроение в целом	13,4	35,8	36,5
В том числе производство			
машин и оборудования	14,9	29,3	30,1
электрического, электронного и оптического оборудования	15,3	25,5	24,1
транспортных средств	11,9	41,3	42,4

В целом такая импортная зависимость означает, что в случае расширения экономических санкций и полного прекращения поставок в Россию из США, Европы и Японии товаров и технологий военного и двойного назначения, в том числе оборудования для производства вооружений и военной техники, а к этому дело идет, российский оборонно-промышленный комплекс может испытать самые серьезные трудности, вплоть до коллапса.

При этом необходимо учитывать, что по ряду позиций импортная зависимость предприятий оборонно-промышленного комплекса достигает 100%. Так, Яков Миркин, заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН, пишет: «Новейшее оборудование, поставляемое на предприятия ОПК <...> практически на 100% оснащено импортным твердосплавным инструментом. А инструмент — это хлеб промышленности»²⁵.

ИТАК, ЦУЦВАНГ

Аннексировав Крым и развязав войну на востоке Украины, Кремль попал в историческую и стратегическую ловушку. Продолжение нынешней политики неизбежно ведет к гонке вооружений, выиграть которую Россия не может, нарастанию вооруженных сил НАТО на российских границах и, весьма вероятно, развертыванию в Центрально-Восточной Европе американских носителей ядерного оружия средней дальности. Последнее может рассматриваться в США и НАТО как единственная возможность нейтрализовать исходящую от России угрозу использования ядерного оружия в случае эскалации вооруженного противостояния. Однако жизненно необходимый для России пересмотр политических и стратегических установок воспринимается российским руководством как капитуляция перед превосходящими силами Запада и, следовательно, в обозримом будущем маловероятен. Со своей стороны Запад, прежде всего США, учитывая опыт 2014–2015 гг., не склонен доверять словам Москвы. В итоге нормализация отношений с Западом вряд ли возможна без решения актуальных проблем военной безопасности в Европе, прежде всего проблемы тактического ядерного оружия, что вряд ли приемлемо для российского генералитета и элиты военной промышленности. Иными словами, ожидать прекращения второй холодной войны пока оснований нет.

Юрий Федоров

